

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ДЖ. Г. БАЛЛАРДА



ИМПЕРИЯ СОЛНЦА

ДОБРОТА ЖЕНЩИН

ПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

РАССКАЗОВ



I голоса времени

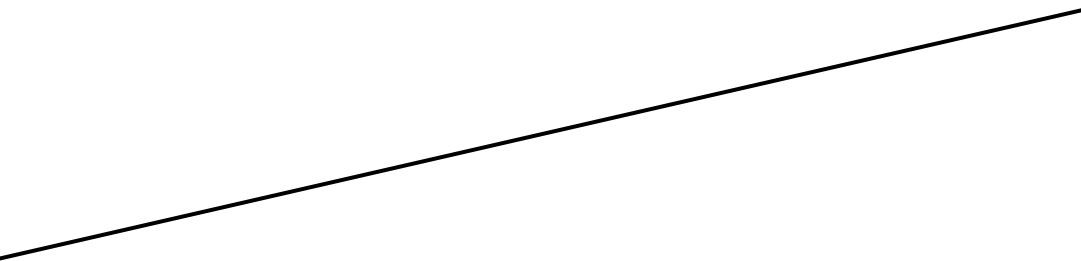
II утонувший великан

III мифы близкого будущего

J. G. BALLARD

**THE COMPLETE
SHORT STORIES**

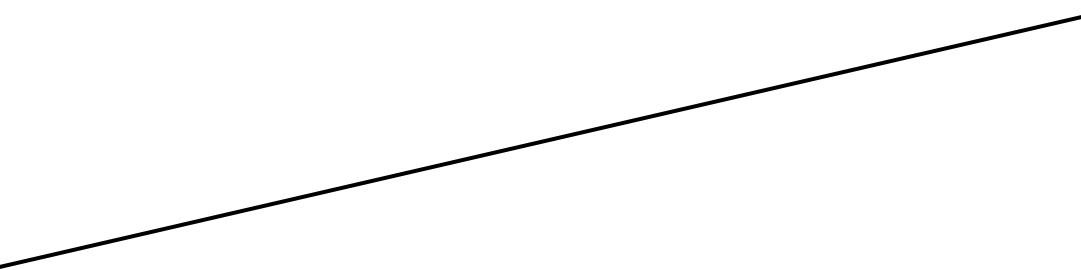
volume III



ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

мифы близкого будущего

коллекция рассказов



FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б20

J. G. Ballard
THE COMPLETE SHORT STORIES
Volume 3

Copyright © 2001 by J. G. Ballard
All rights reserved

Составитель *Альф Валдайский*

Дизайн и иллюстрация *Елены Куликовой*

Баллард, Джеймс.

Б20 Мифы близкого будущего : [перевод с английского] /
Джеймс Баллард. — Москва : Эксмо, 2026. — 704 с.

ISBN 978-5-04-242347-5

Третий том полного собрания рассказов Джеймса Балларда включает произведения, написанные в поздний период — период творческой зрелости автора. Это истории, которые значительно отходят от ранней апокалиптической научной фантастики и фокусируются на сюрреалистичных психологических пейзажах, корпоративной жестокости и зарождении виртуальной реальности. Рассказы, в которых Баллард с удивительной точностью предвидит многие черты XXI века. В сборник включены поэма «Во что я верю» и — в качестве эпилога — самая первая публикация автора.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© С. Самуйлов, перевод на русский язык, 2026
© А. Бушуев, Т. Бушуева, перевод на русский язык, 2026
© Г. Соловьева, перевод на русский язык, 2026
© О. Макеева, перевод на русский язык, 2026
© Г. Шокин, перевод на русский язык, 2026
© В. Лапицкий, перевод на русский язык, 2026
© Е. Трубецкая, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242347-5

Содержание

Интервью с Дж. Г. Баллардом. <i>Перевод Е. Трубецкой</i>	7
Величайшее телешоу планеты. <i>Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой</i>	11
Моя мечта о полете на остров Уэйк. <i>Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой</i>	20
Воздушная катастрофа. <i>Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой</i>	37
Низколетящие самолеты. <i>Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой</i>	51
Жизнь и смерть Бога. <i>Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой</i>	75
60 минут крупным планом. <i>Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой</i>	89
Улыбка. <i>Перевод Г. Шокина</i>	103
Последний город. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	118
Затишье. <i>Перевод Г. Шокина</i>	207
Алфавитный указатель. <i>Перевод Г. Шокина</i>	232
Прекрасный наш союз. <i>Перевод Г. Шокина</i>	249
Театр войны. <i>Перевод Г. Шокина</i>	262
Вечные каникулы. <i>Перевод Г. Шокина</i>	287
День на Юта-Бич. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	295
Зодиак 2000. <i>Перевод Г. Шокина</i>	311
Архитектура отчуждения. <i>Перевод Г. Шокина</i>	323

Сосуд дичайших дерзновений. <i>Перевод Г. Шокина</i>	340
Тайная автобиография Дж. Г. Б. <i>Перевод Г. Шокина</i>	358
Вести с Солнца. <i>Перевод Г. Шокина</i>	362
Воспоминания космической эры. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	412
Мифы близкого будущего. <i>Перевод Г. Шокина</i>	449
Доклад о неопознанной космической станции. <i>Перевод О. Макеевой</i>	493
Объект нападения. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	501
Во что я верю. <i>Перевод Г. Шокина</i>	520
Ответы на допросный лист. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	526
Человек, который ступал по Луне. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	532
Тайная история Третьей мировой войны. <i>Перевод В. Лапицкого</i>	549
Любовь в умеренном климате. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	563
Огромный космос. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	573
Величайший в мире тематический парк. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	588
Военная лихорадка. <i>Перевод О. Макеевой</i>	597
Груз мечты. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	626
Нил Армстронг вспоминает свой путь на Луну. <i>Перевод Г. Шокина</i>	648
Руководство по виртуальной смерти. <i>Перевод О. Макеевой</i>	651
Послание с Марса. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	656
Репортаж с неизвестной планеты. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	671
Низвержение к смерти. <i>Перевод Г. Шокина</i>	677
Жестокий полдень. <i>Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой</i>	687

ИНТЕРВЬЮ С ДЖ. Г. БАЛЛАРДОМ

(беседует Тревис Элборо)

— В нескольких ваших романах небольшое замкнутое сообщество — элитный жилой комплекс, высотная башня — выступает в качестве своеобразного микромира, на примере которого вы рассматриваете хрупкость гражданского общества. Вот эта озабоченность упадком, даже, можно сказать, вырождением современного общества, уходит ли она корнями в ваше детство, как вы считаете? Ведь тогда, в лагере для интернированных, вы своими глазами видели, как легко человек теряет налет цивилизованности.

— Да, думаю, так и есть. Почти каждый, кто своими глазами видел войну, знает: она переворачивает с ног на голову все представления о каждодневной жизни. Ты чувствуешь себя другим, и это необратимо. Как если выжил в авиакатастрофе: мир никогда уже не будет прежним. А три года в японском лагере — это очень сильный и запоминающийся опыт. Особенно для подростка, который живо интересуется поведением взрослых, в том числе собственных родителей. И видит их, впервые лишенных покровов солидности, что обычно помогают взрослым взаимодействовать с детьми. Лишенных всякой возможности защитить себя, порой впавших в отчаяние, униженных, живущих в постоянном страхе. Нам всем казалось,

что эта война будет длиться вечно и один лишь Бог знает, что с нами будет, когда она все-таки подойдет к концу. Да, это был уникальный опыт, и он помог мне очень глубоко понять, что же определяет человеческие поступки.

— В «Затонувшем мире», вашем самом первом романе, действие происходит в двадцать первом веке: мы видим Лондон будущего, ушедший под воду. Но вы упоминали, что даже этот образ основан на воспоминаниях о Шанхае. Как же вышло, что вы, уже опосредованно проработав его в своей научной фантастике, вдруг решили так открыто рассказать о детских впечатлениях в «Империи Солнца»?

— Я всегда хотел написать о своих впечатлениях о Второй мировой войне, о японской оккупации Шанхая, о лагере для интернированных. И понимал, что война очень сильно повлияла на меня, как и на многих других. Но, вернувшись в 1946 году в Англию, столкнулся с огромной проблемой: я никак не мог приспособиться к здешней жизни. В то время Англия была местом очень и очень странным. Общество здесь подчинялось сложной классовой системе, какой в Шанхае не было и в помине. Англия оказалась ужасно жалкой и убогой. Полностью обессиленная войной, она как будто... застыла в прошлом, что ли. Войну мы выиграли сугубо с формальной точки зрения, а по факту во многом проиграли. В стране процветала нищета. И мне приходилось учиться во всем этом жить. К 1949 году к власти в Китае пришли коммунисты, и я понял, что туда больше уже не вернусь. А значит, не было смысла дальше жить воспоминаниями, настало время свыкнуться с жизнью в Англии. И вот я получил здесь образование, женился и приступил к писательству. Англия заинтересовала меня. В каком-то смысле она напоминала

зону стихийного бедствия, была одновременно и жертвой, и причиной катастрофы. Интересовали меня и грандиозные перемены, на пороге которых стояли все сферы общественной жизни: появлялись супермаркеты и реактивные самолеты, наступала эпоха телевидения, развивалось общество потребления. Помню, я подумал: боже мой, это все изменит нашу страну, раскроет наконец непонятную психологию ее измученного народа. И я стал писать научную фантастику, хотя большинство ее любителей отнюдь не считали меня мастером этого жанра. Я был для них чужаком, эдаким опасным вирусом, что проник в клетку научной фантастики, поразил ее ядро и теперь медленно разрушает. Но все это время я чувствовал, как обрывки моего китайского прошлого всплывают откуда-то из подсознания. Чувствовал, что однажды оживлю их на страницах книги.

— Вы учились на медицинском и как-то сказали, что современный писатель обязан быть в некотором роде ученым. Не жалеете, что так и не стали врачом?

— Медициной я очень увлекался. Два года подряд препарировал трупы, и этот опыт оказался во всех смыслах очень полезным. Да, я действительно верю, что писатель должен быть подобен патологоанатому в прозекторской. И сам очень хотел стать врачом, но стремление писать оказалось сильнее. От друзей-старшекурсников я слышал, что в Лондоне, стоит только прийти на постоянную работу или хотя бы стажировку в больницу — и все, работа поглотит тебя с головой, времени писать не останется. А не писать я не мог.

— Как вам кажется, есть ли в ваших произведениях мораль?

— Не уверен. Я себя считаю не морализатором, а скорее исследователем. Разведчиком, высланным вперед, чтобы проверить, можно ли пить воду из реки.

— **Как исследователь — или разведчик — вы обнаружили жутковатый провидческий дар, сделав в «Выставке жестокости» знаменитое пророчество о том, что Рейган станет президентом. И я помню, как один обозреватель, говоря о последствиях урагана в Новом Орлеане, упомянул ваш «Затонувший мир». Вас никогда не пугала такая способность к предвидению?**

— Это предвидение исследователя — или, скажем так, первая система оповещения. Один из важных уроков, усвоенных мною за время войны, состоит в том, что наша жизнь — всего лишь театральная декорация. Да, привычные будни, школа и дом, знакомая улица и все такое прочее, походы в бассейн и в кино — словом, все вокруг, что кажется вечным и незыблемым, на самом деле просто декорация. Которую за одну ночь могут разломать и выбросить. Именно так и случилось, когда японцы заняли Шанхай и перевернули нашу жизнь вверх дном. Наверное, это выработало во мне такой стойкий скептицизм, что он меня не покидает даже здесь, в благоустроенной английской глубинке. Все, что нас окружает, не столь безопасно и долговечно, как мы привыкли считать. Просто не надо слишком много думать об урагане «Катрина» и Новом Орлеане — это, кстати, касается и всего прочего. Мои книги по большей части — попытка понять, что же происходит вокруг нас. И насколько мы отличаемся от высокодуховных представителей рода человеческого, которыми себя мним. И это, наверное, относится ко всему, что я написал. Да, думаю, тяга к исследованию — вот истинная основа всех моих романов.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ТЕЛЕШОУ ПЛАНЕТЫ

Открытие в 2001 году эффективного способа перемещений во времени имело ряд важных последствий — главным образом для телевидения. Последняя четверть двадцатого столетия стала свидетелем впечатляющего роста теле вещания на всех континентах планеты — трансляцией программ занимались американские, европейские и австралийские компании, причем аудитория каждой, согласно их утверждениям, насчитывала по миллиарду зрителей.

Как ни парадоксально, несмотря на колоссальные финансовые ресурсы, телекомпании столкнулись с хронической нехваткой новостей и развлекательных передач. Вьетнам, эта первая «телевизионная» война, подарила зрителям всю радость прямых трансляций с поля боя, однако войны в целом вскоре прекратились — не говоря о любых других серьезных вещах, стоило населению планеты повсеместно посвятить себя просмотру передач.

И вдруг было сделано удачное открытие — путешествия во времени.

Как только урегулировали первые иски об авторских правах — одному ушлому японцу почти удалось запатентовать историю, однако затем Время было объявлено *открытой территорией*, — стало ясно: величайшее препятствие для путешествий во времени вовсе не законы

материальной вселенной, а непомерные суммы, необходимые для создания и эксплуатации соответствующих установок. Одна минута путешествия в прошлое обходилась примерно в миллион долларов. После нескольких коротких экспедиций для подтверждения факта распятия Христа и открытия Америки Колумбом, финансируемый правительством Мемориальный центр времени имени Эйнштейна в Принстоне был вынужден приостановить свою деятельность.

Короче говоря, всего одна группа была способна финансировать дальнейшие исследования прошлого — транснациональные телевизионные корпорации. Их яростные заверения в том, что никакой дешевой сенсационности они не допустят, убедили главы правительств, что образовательные выгоды фильмов о путешествиях во времени перевесят любые возможные издержки.

Телекомпании со своей стороны видели в прошлом неиссякаемый источник первоклассных новостей и развлекательного контента, и, что самое главное — совершенно бесплатный. Они незамедлительно взялись за работу, вложив миллиарды долларов, рупий, рублей и йен в создание нового огромного хронотрона в Принстонском центре времени. Команды физиков и математиков были задействованы в качестве младших продюсеров. В ключевые точки планеты — Лондон, Вашингтон и Пекин — были отправлены съемочные группы. Вскоре жаждущие зрители по всему миру уже смотрели первые пилотные программы.

Эти похожие на выцветшую кинохронику нечеткие кадры, запечатлевшие коронацию Елизаветы II, инаугурацию Франклина Делано Рузвельта и похороны Мао Цзэдуна, триумфально продемонстрировали осуществимость *хроновидения*. После торжественного открытия — жест в сторону правительственных контрольных комиссий —

телекомпании начали всерьез планировать сетку вещания. Зимние программы на 2002 год предлагали зрителям убийство президента Кеннеди, «живьем», как бестактно выразилась Североамериканская вещательная компания, высадку в Нормандии и Сталинградскую битву. Телезрителям в Азии предлагался Перл-Харбор и падение Коррехидора.

Акцент на смерти и разрушениях определил дальнейшее развитие событий. Успех программ превзошел даже самые смелые надежды и ожидания телевизионщиков. Кадры затянутых дымом полей сражений с их разбитыми и сожженными танками и бронетранспортерами пробуждали непомерные аппетиты. Требовалось все больше и больше съемочных групп. Пришлось задействовать целую армию военных историков, чтобы установить точное время освобождения Бастони или момент, когда над горой Сурибати и берлинским Рейхстагом взвились знамена победы.

В течение года около десятка программ еженедельно показывали трем миллиардам зрителей самые яркие эпизоды Второй мировой войны и события последующих десятилетий, причем исключительно в режиме реального времени. Вечер за вечером в техасском Далласе на Дили-Плаза убивали Джона Кеннеди, над Хиросимой и Нагасаки взрывались атомные бомбы, а в берлинском бункере кончал жизнь самоубийством Гитлер.

После первого успеха телевизионщики переместились дальше вглубь, в события 1914–1918 годов, готовые пожинать куда более богатый урожай зрительских рейтингов на кровавых полях сражений при Пашендейле и Вердене. К их удивлению, кадры заполненных кровью и грязью окопов оставили телезрителей равнодушными — в отличие от великих технологических битв Второй мировой войны, которые одновременно транслировались в прямом

эфире на соперничающих телеканалах с палуб авианосцев в Филиппинском море и во время массированных авианалетов на Эссен и Дюссельдорф.

Лишь один эпизод Первой мировой войны оживил пресыщенный зрительский вкус — атака уланов германской императорской армии, преодолевавших на полном скаку заграждения из колючей проволоки. Их белые плюмажи развевались над грязью, а сами эти всадники с пиками наперевес возвращали миллиарду «перекормленных» войной телеэкранов магию галантности и красивых мундиров. В опасный для *хроновидения* момент его спасли эполеты и кирасы.

Съемочные группы незамедлительно отправились в девятнадцатый век; события же обеих мировых войн исчезли с экранов. В течение нескольких месяцев зрители увидели коронацию королевы Виктории, убийство Линкольна и осаду Аламо. Кульминацией сезона *мгновенной* истории должна была стать совместная трансляция корпорациями *хроновидения* Европы и Северной Америки такого потрясающего зрелища, как разгром Наполеона Бонапарта в битве при Ватерлоо.

Занимаясь приготовлениями, две компании сделали открытие, имевшее далекоидущие последствия для всей истории *хроновидения*. При посещении знаменитой битвы продюсеры, надежно защищенные от возможных травм и даже смерти незримыми стенами хронокапсул, обнаружили, что участников сражения было гораздо меньше, чем описано историками того времени. Сколь огромными ни были последствия разгрома наполеоновской Франции, сама битва вызывала разочарование: несколько тысяч измученных долгим маршем солдат время от времени обменивались ружейными и артиллерийскими залпами.

Провал Ватерлоо стал предметом обсуждения на срочно созванном совещании руководства *хроновидения*. Старшие продюсеры снова побывали на поле боя, где, покинув хронокапсулы, прошлись переодетыми среди усталых солдат. Перспектива заполучить самые низкие в истории *хроновидения* рейтинги с каждым часом становилась все более неотвратимой.

В этот кризисный момент некий неизвестный помощник продюсера подсказал выдающуюся идею: вместо того чтобы беспомощно сидеть за видеокамерами, компании *хроновидения* должны вмешаться в ход события, дабы придать сражению дополнительный драматизм, — тем более что они располагают необходимым для этого опытом и ресурсами. Можно задействовать побольше статистов, вернее, наемников из числа местных крестьян, доставить запасы пороха и дробы, раздать оружие и поручить военным консультантам из редакторских отделов разработать ход самого сражения. «История, — подвел он итог, — это всего лишь черновик сценария».

Это предложение по переделке истории для привлечения зрителей было принято на ура. Захватив с собой щедрый запас золотых монет, агенты телекомпаний рыскали по равнинам Бельгии и Северной Германии, набирая тысячи наемников по стандартной таксе: пятьдесят долларов в день натурных съемок независимо от ранга и семьдесят пять за эпизодическую роль со словами.

Войско прусского генерала Блюхера, по мнению историков насчитывавшее несколько тысяч человек и сыгравшее решающую роль в разгроме Наполеона, на самом деле оказалось небольшим отрядом вояк численностью не больше бригады. В считанные дни под знамена пруссаков встали тысячи страстно желавших подзаработать рекрутов. Чтобы излечить кавалерийский эскадрон, страдавший от сибирской язвы, в воду пришлось тайно